

Никольский благовестник

спецвыпуск

Храм святителя Николая Мирликийского на Щепях

Разрушение Великой Православной Державы

Знать. Понимать. Помнить.

(Цифры. Факты. Воспоминания.)

*И много понтийских Пилатов,
И много презренных Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего предают!..
Граф А. Толстой*

Любовь к России, всестороннее знание отечественной истории и богатый опыт политика делали из Царя-Миротворца стойкого защитника прежде всего интересов России, а не интересов Европы. Император Александр III принял Россию в годы смуты, а оставил мирным и богатеющим государством. Царь умер в расцвете лет, не осуществив большинства своих грандиозных замыслов. Россия была потрясена его смертью.

«Прошло 13 лет царствования Императора Александра III, – писал В.О. Ключевский, – и чем торопливее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумлённее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Европа признала, что Царь Русского Народа был и Государем международного мира, и этим подтвердила историческое признание России». И. Ильин пишет: «Сущность катастрофы (в России) гораздо глубже политики и экономики: она духовна. Это есть кризис русской религиозности. Кризис русского правосознания. Кризис русской военной верности и стойкости. Кризис русской чести и совести. Кризис русского национального характера. Кризис русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской культуры».

В этом контексте примечательно преображение Ф.М. Достоевского. Увлекаясь в юности социалистическими идеями, даже посещая революционный кружок петрашевцев, он, пройдя через каторгу, понял, что иго Христово и есть высшая и истинная свобода и что никакая человеческая свобода, никакая свобода политическая, достигнутая мятежным революционным путем, не является истинной свободой, а лишь формой тяжкого духовного, а затем и социального закабаления.

В России только монарх, помазанник Божий, который выше даже человеческого закона, есть высшая форма политической свободы – вот вывод Ф.М. Достоевского. «Здесь я за границей, – писал писатель во

время путешествия по Европе, – окончательно стал для России – совершенным монархистом». Отсюда великий писатель приходил к убеждению: «Человек настолько русский, насколько он православный. И настолько православный, насколько монархист».

Если в последней четверти XIX века значительная часть русского образованного слоя всё больше втягивалась во враждебной монархии лагерь, то в стане ее друзей появляется ряд светских мыслителей, которые, стоя на православной основе, формируют философско-исторический вывод о благотворной роли самодержавия в судьбах России. Более того, происходит первая попытка светской мысли осмыслить историю с христианской позиции.

Наиболее выдающимися являлись И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров, С.А. Нилус. Аксаков предупреждал: «Окончательный удел христианского, отрекшегося от Христа, общества есть бунт или революция». Обобщающим выводом русской православной монархической мысли могут служить слова Н.А. Дурново: «Единственный всеобъемлющий принцип спасения и личности и государства – это домостроительство по Христу и Его вековечным истинам».

В конце XIX века наряду с индивидуальным террором появляются организованные группы революционеров, вдохновленные новым модным учением – марксизмом. Марксизм представлял собой попытку создания новой религии. Эту сущность деятельности Маркса не скрывали его поклонники и учителя: «Доктор Маркс, – писал один из них, Моисей Гесс, – нанесёт окончательный удар средневековой религии и философии. Маркс непременно прогонит Бога с Небес».

Эта цель и лежала в основе духовной сути марксизма. Марксизм довольно быстро прижился на российской интеллигентской почве, сдобренной атеизмом и западничеством. Постепенно он стал самым мощным рычагом для разрушения Российской империи.

Анализ духовного состояния русского общества к моменту вступления на престол Императора Николая II убедительно свидетельствует, что в нем наблюдалось сильнейшее идейное противостояние. Русское общество больше не было едино в своем понимании добра и зла, блага и вреда. Оно было заражено опасной болезнью «чужебесия» – это когда человек, народ так «заражается» чужой культурой, традициями, порядком, что навязывает их несогласным, в том числе силой, забывая о своём родном. Более того, такой больной человек начинает ненавидеть свою культуру, свой народ, свою страну. «Манифестом» чужебесия можно считать строки В. Печорина:

Как сладостно Отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничтоженья.
И в разрушении Отчизны видеть
Всемирную десницу возрожденья.

С конца XVIII века и вплоть до 1917 г. болезнь чужебесия охватила все российское общество, прежде всего его образованную часть. Аристократия, дворянство, служилый слой, разночинцы в своём большинстве с вожделением смотрели на Европу, видя в ней образец для подражания в культурном, политическом и экономическом плане. Некоторые в своей критике шли до конца, отрицая Россию как таковую и выдвигая бредовую идею всемирного социалистического отечества.

К началу царствования императора Николая II общество горело желанием перемен и мало задумывалось об их последствиях. Власть же ошибочно считала, что опасность исходит только от революционеров-одиночек, явно недооценивая значение вероотступничества целых слоев «образованцев».

Осознание масштабов бедствия в полной мере пришло только во время революции 1905–1907 гг., когда террористами и революционными боевиками было убито 16 тыс. 634 человека, в том числе свыше 7 тыс. государственных чиновников высокого и среднего уровня. От рук эсеровских боевиков погибли верные царю люди: великий князь Сергей Александрович, градоначальник Петербурга В.Ф. фон дор Лауниц, московский градоначальник граф П.П. Шувалов, министр внутренних дел В.К. фон Плеве, губернатор Уфы Н.М. Богданович, военный министр генерал-адъютант В.В. Сахаров, командир лейб-гвардии Семёновского полка генерал-майор Г.А. Мин, вице-адмирал Г.П. Чухнин и другие.

В первом десятилетии XX века отречение большей части образованного общества от русской духовности, традиций достигло таких масштабов, что можно смело говорить об отречении от исторической государственности. В таких условиях русский Царь как Помазанник Божий становился непонятным и ненужным. И это в ситуации, когда в царствование Императора Николая II Россия достигла невиданного материального расцвета. К 1914 г. население Российской империи возросло со 129 млн. (по переписи 1897 г.) до 178 млн. человек, то есть прирост составил около 50 млн. человек. Предвоенное пятилетие – время наивысшего, последнего взлета дореволюционной России, затронувшего все важнейшие стороны жизни страны.

Накануне Первой мировой войны в России имелось 255 металлургических заводов, 568 предприятий угольной промышленности, 170 нефтедобывающих и 54 нефтеперерабатывающих предприятий, 1800 крупных и мелких металлообрабатывающих предприятий. Общая мощность электростанций в 1913 г. составляла 1098 тыс. кВт.

В целом по уровню промышленного производства Россия занимала четвертое место в Европе, пятое в мире, уступая по важнейшим показателям лишь таким странам, как США, Германия, Великобритания, Франция.

В 1913 г. по объему производства Россия почти сравнялась с Англией, значительно превзошла Францию, в два раза обогнала Австро-Венгрию и достигла 80 процентов объема производства в Германии.

Невиданный расцвет переживало русское земледелие. В течение двух десятилетий, предшествовавших войне, сбор зерна удвоился. В 1913 г. в России урожай главных злаков был на треть выше, чем в Аргентине, Канаде и США вместе взятых. В царствование императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. При этом обращает на себя особое внимание феноменальный рост вывоза сельскохозяйственных продуктов в Англию. Русский лес импортировали Германия, Франция, Испания, Италия, Англия, Балканские и другие европейские государства. Такие страны, как Англия, Бельгия, Голландия, издавна использовали вывозимый из нашей страны лес в судостроении. Из России они получали также пиломатериалы и рудничную древесину.

Ежегодно Россия экспортировала свыше 1110 тыс. пудов лесоматериалов на сумму около 200 тыс. рублей. Ближайшими её конкурентами до начала XX века на мировом лесном рынке выступали США и Канада. Но к началу второго десятилетия Российская империя в вывозе леса уже не имела соперников.

Бюджет России составлял 3,5 млрд. золотых рублей. Императорская Россия строила свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы без увеличения налогового бремени неуклонно росли. Бремя прямых налогов в России было почти в четыре раза меньше, чем во Франции и в Германии, и в 8,5 раз меньше, чем в Англии. Бремя же косвенных налогов было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии.

Гимназии имелись во всех уездных городах, чем не могли похвастаться многие европейские страны. В отношении же среднего и высшего образования женщин Россия шла впереди Западной Европы: в 1914 г. действовали 965 женских гимназий и Высшие женские курсы (фактически университеты) во всех крупных городах.

Перед Первой мировой войны в Российской империи было более ста вузов со 150 тыс. студентов (во Франции тогда же – около 40 тыс. студентов). Многие российские вузы создавались соответствующими министерствами или ведомствами (военным, промышленно-торговым, духовным и т.п.). Обучение было недорогим: например, на престижных юридических факультетах в России оно стоило в 20 раз меньше, чем в США или Англии, а неимущие студенты освобождались от оплаты и получали стипендии.

Темпы экономического и культурного развития страны, структурные изменения в народном хозяйстве были столь впечатляющими, что председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров

М. Вернаиль, приехавший летом 1913 г. в Петербург, предсказывал неизбежный в течение ближайших 30 лет стремительный подъём российской промышленности, который можно будет сравнивать только с колоссальными сдвигами в экономике США в последней трети XIX века.

Ему вторил французский экономический обозреватель Э. Тэри, который писал в 1913 г.: «Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

В «Докладной записке Совета Съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса», представленной правительству 12 июля 1914 г., отмечалось: «Страна переживает в настоящее время переходное состояние. В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учёту. Города растут у нас с поистине американской быстротой».

Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратился в крупные центры городской – по всему своему складу и запросам – культуры. Естественный в известные периоды экономического развития процесс концентрации населения, в силу происходящих сейчас коренных изменений в жизни сельскохозяйственного населения России, пойдёт, несомненно, с возрастающей быстротой, и лет через 20–30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен. Но рост городов есть в то же время рост совершенно новых потребностей, для удовлетворения которых должны будут возникнуть целые отрасли промышленности, неизвестные или очень слабо развитые в настоящее время. Без преувеличения можно сказать, что рост городской жизни вызовет переворот в нашей промышленности».

Россия становилась богатым, сытым и процветающим государством. Но, как ни парадоксально, именно этот материальный рост стал одной из главных причин революционизирования общества. Многие не выдерживали испытания богатством или достатком, им хотелось отбросить строгие моральные правила, жить «свободно», пойти по пути, по которому уже двинулись Франция и другие европейские страны. Монархия, с её духовно-нравственным кодексом, накладывающим на весь народ, прежде всего, моральные обязательства, первым из которых было беззаветно служить России, в начале XX века уже мешала. Личность Государя Николая II вызывала непонимание и раздражение.

Бог даровал России удивительного по своим духовным и человеческим качествам Царя. Император Николай II сочетал в себе непоколебимую преданность Христу и России с государственной прозорливостью.

Однако в феврале 1917 г. элита русского народа, большая часть его образованного общества отвергла дарованного ему Божьего Помазанника, предала своего Царя. В этом предательстве виновны не столько самые радикальные враги России – революционеры, сколько либеральная оппозиция, представители буржуазии и купечества, немалая часть духовенства и высшего генералитета русской армии. Вместе с тем крушение монархии в России не могло стать результатом только измены верхушки. В 1917 г. произошло грехопадение всего народа, который, при всей своей симпатии к монархии, в целом остался пассивным зрителем свержения, заточения, а затем и убийства своего Государя и его Семьи. Все события так называемого отречения – это поединок Царя и «февралистов». До последнего момента Император Николай II надеялся отстоять свои священные права, отстоять законную власть. Он рассчитывал получить поддержку от окружавших его людей, ждал от них исполнения священного долга верноподданных. Но тщетно. Кругом царили «измена, трусость, и обман». «Подавить открыто революцию Николай II не мог, – пишет доктор исторических наук Г.З. Иоффе. – В Пскове он был "крепко" зажат своими генерал-адъютантами. Прямое противодействие им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных изменников, Рузский, было практически невозможно. В белоэмигрантской среде можно найти утверждение, что если бы Николай II, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части, верные царской власти. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что связь осуществлялась через штаб генерала Рузского. В соответствии с показаниями А.И. Гучкова, Рузский прямо заявил Николаю II, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет»

В 1927 г. в предисловии к сборнику «Отречение Николая II» большевик Михаил Кольцов писал: «Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека – самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам Монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили».

Николай II предпочёл заточение, мученическую смерть и даже гибель своей семьи участию в братоубийственной войне и беззаконии. Царь, вслед за Спасителем, Которого нечистый дух соблазнял поклониться ему, обещая все блага мира, отвечал сатане: *«Изыди от Мене, сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклониши и тому единому послужиши»*. 2 марта 1917 г. в занесённом пургой Пскове не Государь Николай Александрович отрёкся от престола – большая часть России не захотела иметь Царя. Николай II лишь склонился перед Волей Божьей, в точности как это сделал пророк Самуил, когда народ больше не захотел видеть его судьёй: *«И сказал Господь пророку Самуилу: послушай голоса народа во всём, что они говорят тебе, ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Яне царствовал над ними»*.

Святитель Николай Сербский писал в 1932 г.: «Если бы русский Царь Николай II стремился к царству земному, царству мелких личных расчётов, себялюбия, он и по сей день сидел бы на престоле в Петрограде. Но он выбрал Небесное Царство, царство жертвы во имя Господне, царство евангельской духовности, за что и сложил свою голову, за что сложили головы его чада и миллионы подданных». Протоиерей Александр Шаргунов очень ёмко выразил суть подвига Императора Николая II: «Когда в силу страшных обстоятельств ("кругом измена, и трусость, и обман") стало ясно, что он не может исполнять долг Царского служения по всем требованиям христианской совести, он безропотно, как Христос в Гефсимании, принял волю Божию о себе и России».

Нам иногда кажется, что в активности проявляется воля, характер человека. Но требуется несравненно большее мужество, чтобы тот, кто "не напрасно носит меч", принял повеление Божие "не противиться злему", когда Бог открывает, что иного пути нет.

Заслуга Государя Николая в том, что он осуществил смысл истории как тайны воли Божией». Являясь русским Царём, Государь не мог себя ограничить западной конституцией – не потому, что он судорожно держался за власть, а потому, что сама власть, по существу своему, не поддавалась ограничению. Ограничить её означало изменить не власть, а изменить ей.

Русский Царь не просто Царь-Помазанник, которому вручена Промыслом судьба великого народа. Он – тот единственный Царь на земле, которому поставлена от Бога задача охранять Святую Церковь и нести высокое царское послушание до Второго

Пришествия Христова. Русский Царь – Богом поставленный носитель земной власти, действием которого до времени сдерживается сила зла.

Понимание этого служения Царя был почти полностью утрачено в русской правящей элите и сильно подорвано в народе. Немного было её представителей, кто бы в большей или меньшей степени одобрял свержение монархии: генералы спешили снять с себя царские вензеля и надеть красные банты, поэты писатели – скорее воспеть новую «свободную» власть «свободной» России, крестьянство – предвкушало передел земли, рабочие – ждали передачи им в управление заводов и фабрик.

Таким образом, в феврале 1917 г. рухнули государственные и духовные опоры русского народа, произошёл серьёзный надлом его традиционного национального кода, окончательно сломленного всеми последующими событиями.

Главной целью февральского переворота была замена русской православной цивилизации на западную так называемую демократическую цивилизацию, с её прагматизмом и либеральной идеологией. Оценивая эти устремления вождей февраля, Иван Ильин отмечал: «Какое политическое доктринёрство нужно было для того, чтобы в 1917 г. сочинить в России некую сверхдемократическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать с её наиндивидуальнейшей историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада».

Февраль 1917 г. привёл наш народ к Октябрю. Нет сомнений, что и Февральская, и Октябрьская революции были осуществлены под руководством единого центра. Известный русский юрист П.И. Новгородцев утверждал, что «князь Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Князь Львов также повинен в Керенском, как Керенский в Ленине».

Февраль и Октябрь – звенья одной цепи, они имели общих покровителей и кредиторов.

Судя по всему, Керенский изначально был поставлен на свою должность временно и, по замыслу его зарубежных хозяев, должен был быть позднее заменён более радикальным лидером. Один из ведущих финансистов русской революции американский промышленник Ч. Крейн летом 1917 г. уверял, что «революция находится лишь в своей первой фазе, она должна расти. Революция Керенского уступит дорогу коммунизму».

Троцкий, Ленин и другие большевики получали деньги от тех же американских финансистов, что и Керенский. В декабре 1917 г. американский миллионер У.Б. Томпсон направил на нужды большевистского правительства 1 млн. долларов. «После февральского беззакония

ничего иного, кроме большевизма, не могло и не должно было быть», – считал эмигрантский литератор Виктор Кобылин. Писатель Б.А. Садовский дал верное объяснение неизбежности появления большевизма: «С потерей Самодержавия я скорблю о последнем оплоте былого. Но нет – не воскресить его! Всё минуло. Мелкие людишки не поддержат великого завтра. Поэтому мечтать о возрождении России так же глупо, как надеяться на восстановление Древней Греции. Люди теперь из другого теста, с другой душой. Им не жалко ломать наши святыни. Неподданный – неверующий».

Большевизм не свалился на Россию как «снег на голову». Он долгие годы вращивался в сознании русского общества.

Большевизм стал закономерным итогом богоборчества и богоотступничества. В начале XX века они получили широкое развитие в душах представителей российской элиты. Архиепископ Антоний (Храповицкий) откровенно констатировал ещё в 1905 г.: «Дела идут скверно, особенно церковные: церкви всё более пустеют, а люди всё более становятся бессовестными».

Самое страшное, что эта «бессовестность» охватила духовные семинарии, которые выпускали часто не пастырей, а революционеров с духовным образованием. «В семинариях, – писал отец Павел Флоренский, – воспитывались наиболее активные безбожники». Не удивительно, что духовные семинарии не давали достаточного числа священников. Благовещенская семинария, например, за 10 лет не подготовила ни одного священника.

В предреволюционные годы жандармское управление не раз констатировало предосудительное поведение семинаристов, распространение среди них атеистической литературы, связи с радикальными студенческими организациями.

Ещё более масштабным был упадок веры и распространение богоборчества в педагогических и других высших школах. «Я учусь в высшем учебном заведении, откуда выходят учительницы, – писала в 1913 г. В.В. Розанову одна курсистка, – и вот среди этой молодёжи я до сих пор, в течение 2 лет, не встретила никого, кто бы любил Родину, стремился бы к тому, чтобы принести ей пользу; нет! Кругом полное равнодушие, безразличие (в лучшем случае) ко всему русскому и, с другой стороны – презрение к России, к её якобы отсталости.

Всё русское – гадко и смешно! И это будущие учительницы! Что они дадут детям?! Ни веры, ни любви к Родине! А профессора (большинство) способствуют развитию враждебности и презрения к России, уже с первого курса начинают вставлять в свои лекции разные иронические словечки о России и о русских».

Во всем этом богохульстве, презрении и ненависти к России отчетливо просматривается зловещий лик большевизма.

Большевизм – особое явление во всемирной истории. Ни один режим, ни до, ни после, не возводил в такой степени богоборчество и ненависть к национальному началу в ранг главных приоритетов своей политики. **Основой большевизма была антимораль.** Его кредо сформулировано в словах Ленина: «Нравственно то, что отвечает интересам пролетариата. Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». На самом деле за словесной «заботой» об интересах пролетариата скрывалось абсолютное отрицание всего духовно-русского, агрессивное и последовательное богоборчество.

Многие большевистские деятели в тот или иной период своей жизни погружались в оккультизм с сатанинским уклоном, некоторые являлись членами тайных обществ.

Ленин, известный своей патологической ненавистью к христианству, ещё в начале XX века читал лекции в парижской Русской высшей школе общественных наук, созданной масонской ложей «Космос».

Троцкий «внимательно изучал исследования о бесах и демонах, об их князьях, дьяволе и об их темном царстве».

Свердлов с юных лет увлекался каббалистическим оккультизмом и чёрной магией. Бухарин в юности считал себя «антихристом», глумился над Святым Причастием, позже вступил в масонскую ложу.

По западным источникам, членами масонских лож являлись известные большевики Красин, Луначарский, Скворцов-Степанов. Последний наряду с Ярославским (Губельманом) был инициатором и активным пропагандистом программы «воинствующего атеизма» в СССР в 1920–1930-е гг.

Всё это и было питательной средой пресловутой большевистской «нравственности» позволявшей, исходя из бесовских «принципов», уничтожать людей сотнями тысяч, в том числе и представителей того же пролетариата, лишь по причине их непригодности делу мировой революции.

Та же «нравственность» вполне допускала тотальное уничтожение людей по признаку принадлежности к «паразитическому» классу и сословию. Эта «нравственность» позволяла отдавать исконные русские земли военному противнику, только для того, чтобы сохранить захваченную власть.

Эта «нравственность» позволяла разрушать храмы, сжигать иконы, глумиться над честными мощами, убивать священников. Эта «нравственность» позволяла обрекать на голод крестьян Поволжья, Казахстана и Украины, обрекать на нищету и бесправие рабочий класс русских городов.

Большевизм ставил своей целью уже не только смену русского цивилизационного кода, а полное уничтожение России как исторического государства.

Чудовищное злодейство 17 июля 1918 г. - убийство большевиками в Екатеринбурге Царской Семьи было последней точкой отречения так называемой русской общественности от исторической России. Как писал святитель Иоанн Шанхайский (Максимович): «Под сводом Екатеринбургского подвала был убит Повелитель Руси, лишенный людским коварством Царского венца, но не лишенный Божией правдой священного миропомазания». И снова мы видим со стороны большей части народа равнодушное и трусливое безмолвие. Писатель Эмиль Борман писал о Государе: «Никто не вступился за Него. Ни венценосные родственники, ни те "истинно русские" люди, что сумели довести Царя до падения, себя же привести вовремя в безопасность. **Николай II не бежал и никого не предал. Он ни перед кем не виновен. Пред Ним же виновата вся Россия».**

Император Николай II явил собой пример величайшего смирения и христианского прощения ближнего. Старшая дочь Государя Великая княжна Ольга Николаевна передала нам слова отца, которые звучат сегодня как завещание для всех христиан мира: «Отец просил передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех

молится, и чтобы они не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но не что зло победит зло, а только любовь».

Последний русский Царь и его Семья были прославлены Русской Православной Церковью как святые мученики-страстотерпцы. Без народного почитания канонизации не бывает. Это почитание Государя, Государыни и их венценосных детей началось сразу после их злодейского убийства. Те, кто не оставил Бога в тяжёлые времена, в своих сокровенных молитвах прославляли мученический подвиг Царской Семьи, отдавшей жизнь за Христа. Люди обращались к Царю с мольбами о спасении русского народа и России, твердо веря, что он и его близкие в числе святых предстоят пред Богом. Много священников и мирян, официально обвиненные в мрачные 1920–1930-е гг. в контрреволюционной деятельности, на самом деле были замучены в ГУЛАГе именно за почитание Царя и его семьи. Одержимость, с какой партийные и

